

Явное влияние «Повести о царе Аггее» можно отметить лишь в самом позднем списке (И). К тексту «единым днем царь богат, и нищ, и убог», лежащему в основе «Повести о Димитрии Римском», присоединяется цитата из псалтыри, определяющая основное поучение «Повести о царе Аггее»: «богати обнищаша и взалкаша». О том, что такое соединение было сознательным, свидетельствует авторская отсылка «инде глаголет»: «глас услыша во Евангелии глаголет: „Единым днем царь богат и убог“, а инде глаголет: „богати обнищаша и взалкаша“» (л. 193 об.). Эпизод списка И о явлении ангела вельможам в образе царя при возвращении с охоты («вельможам ангел преобразися ликом благовернаго князя Димитрия, поехав с ними в Рим» — л. 194) также очень близок соответствующему эпизоду «Повести о царе Аггее» и отсутствует в списках О и Б.

Явная связь позднего списка «Повести о Димитрии Римском» с «Повестью о царе Аггее» заставляет задуматься о необходимости сочетать текстологическое исследование отдельных повестей о гордом царе с изучением всего цикла в целом. Интересно отметить, что в первой четверти XIX в., т. е. в то же время, каким датируется список И, появляются списки «Повести о царе Аггее», в которых четко прослеживается влияние другого близкого по сюжету памятника — «Приклада о гордом цесаре Иовениане».⁹ По-видимому, необходимо предпринять параллельное изучение литературной истории всех трех повестей — только таким путем можно конкретно выявить точки их соприкосновения и моменты взаимовлияния и, следовательно, проверить и конкретизировать гипотезу А. Н. Веселовского о путях распространения бродячего сюжета о гордом царе.

Каждый из известных списков «Повести о Димитрии Римском» представляет особый вариант, отличный от остальных и позволяющий представить детали литературной истории памятника. Текст О отличается книжным характером. Кратко повествуя о похождениях Димитрия, автор в нескольких местах вставляет поучения и назидания, неизвестные по другим спискам. Таковы упоминание о молитве Димитрия в лесу («нача молитися богу, глаголя: „Господи, согреших пред тобою, направи мя на стезю мою“» — л. 181), назидательное отступление при рассказе о пашне («аще бы еси Димитрии творил заповеди божия, то не бы тако страдал, сам себе размышляя, плакаше» — л. 182), покаяние Димитрия после побоев крестьянина. Несмотря на ряд поучений в тексте повести, заключительная мораль отсутствует: «Он же поиде в дом свой и нача веселитися, слава Христа бога нашего» (л. 183).

Список Б отличается использованием приемов устного рассказа, например: «А благоверный князь Димитрей заблудился на лесу, не ведает, куды выехать, и выехав на некую поляну» (стр. 57), и последовательным объяснением книжных и малопонятных для автора слов: «шкапу, сиречь жребя», «ударisha его по ланиде, сиречь по щеце» (стр. 58). Только в этом списке имеется чисто сказочная концовка повести, по которой царь после возвращения на престол «крестьянина прия к своему княжеству и к своему двору» (стр. 58). Вместе с тем оттенок поучительности и книжности сохраняется в списке Б благодаря употреблению устойчивых эпитетов: «душеполезна» повесть, «благоверный» князь Димитрий, и т. п.

Список И читается в сборнике старообрядческого происхождения, что повлияло на усиление поучительности в этом варианте. Здесь нет назидательных отступлений, характерных для списка О, но более последовательно, чем в варианте Б, употребляются эпитеты, создающие общую атмосферу поучительного повествования. В концовке повести к тексту,

⁹ См. рукопись ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 3436, лл. 24 об.—31 об.